Twig

Арка вторая: Кот из мешка.

Глава четвёртая: преподобный.

Прижимающиеся тела, общее шарканье и движение, тепло летнего дня, всё вместе это создавало в воздухе мглу. Туман, если бы у тумана был запах тел и дождя.

Но правильнее было назвать это симптомом общего настроения. Если бы человек был настолько зол, что мог выпускать пар из ушей, смогла бы толпа таких людей создать подобную атмосферу?

– Я не этого ожидал, – заметил Гордон.

Я кивнул, в безмолвном согласии.

Женщина остановилась и заметила нас, пока мы пробирались через путаницу ног бёдер. Она была в компании своего мужа и сына, который был в два раза старше нас.

– Что вы здесь делаете? – спросила она.

– Пытаемся найти место, откуда сможем что-нибудь увидеть, – ответил Гордон. – Просим прощения.

– Вас не должно быть здесь, – сказала она, не пропуская дальше. Её сын пихнул её, указав на пробел в толпе, и она его оттолкнулся. – Вы слишком маленькие.

Мои глаза навострились, взгляд забегал по ней, взяв во внимание простую косичку, изношенные швы одежды, частые линии на лице. – А Вы…

Гордон рефлекторно попытался закрыть мне рот ладонью, но с напирающей на нас толпой и близостью нас друг к другу, он ударил предплечьем по нижней половине моего лица.

– Ммф, – сказал я, поморщившись.

– Мы в порядке, – сказал Гордон, улыбаясь. Он частично повернулся ко мне и пробормотал, – Извини.

– Мфф.

– Вас растопчут. Сегодня все на эмоциях, – сказала нам женщина строгим голосом.

– Мам, – нетерпеливо сказал её сын.

– Один момент, – сказала немного нетерпеливо и она, затем взглянула на нас и сказала самым «материнским» голосом, каким могла, – Идите домой. Там безопаснее.

– Но, – сказал Джейми, и мне пришлось подавить улыбку, услышав его тон. Тон и широко открытые глаза, которые смотрели на неё из-за очков, раненые, обеспокоенные и смущённые. – Мэм. Мы сироты. У нас нет дома.

Я бы использовал эту фразу не в это время и произнёс бы её иначе, но будь я на его месте, для меня это не было бы вариантом. Чувствовалось мне, что если бы я пошёл маршрутом жалости сироты, кто-нибудь вроде этой женщины посмотрел бы на меня, увидел неряшливые волосы, глаза, тонкие губы и подумал, «да, это сирота».

Но Джейми был совсем другим. Его длинные волосы были убраны в хвост моряка, на нём были очки, и его одежда была его размера. Он был всего в шаге от обычного ребёнка, поправимый, и эффект этот работал хорошо. Он был идеален, когда нам нужно было поставить людей в позицию защиты.

Потом поработаю с ним над ним с этим, с помощью Хелен.

Я пытался изо всех сил не улыбаться, пока смотрел, как колеблется женщина.

– Мам, – сказал её сын. – Мы потеряем из виду папу, если не поторопимся.

Казалось, она поймала нас, на момент, но толкаемая с одной стороны, и утягиваемая с другой…

– Вас не должно быть здесь, – напомнила она нам, прежде чем развернуться и присоединиться к сыну.

Я схватил Джейми, закинул свою руку ему на плечи.

– Хмм, – прожужжал Джейми.

– Это было неплохо! – сказал я ему.

– Э, хм, – сказал он опять. Но улыбнулся.

– Красиво подобрал время.

– Через несколько лет это уже не сработает.

– Но сработало здесь, сейчас! Всего секунду назад, – сказал я. – Это было неплохо!

– Вот и всё что нужно, чтобы поднять Саю настроение на целый день, – отметил Гордон.

Когда я оглянулся, то увидел, что он говорит с Мэри, которая была в безопасности между ним и Лил. Хелен была ближе ко мне и Джейми.

– Хорошее исполнение стратегии? – спросила Мэри. – Имеет смысл.

– Нет, – сказал Гордон. – Ну, да, может быть, но нет.

– Смешанное послание, – сказал я и сморщился, когда несколько человек из толпы отступили назад, толкая нас.

– Нет, – Гордон, казалось, решил. – Дело не в стратегии.

– Оу, – сказала Мэри. Она выглядела озадаченной.

– Он… – Джейми хотел вклиниться, но остановился, как только толпа двинулась вновь, толкнув его.

– Давайте отойдём куда-нибудь ещё, – предложил Гордон. Он взглянул на толпу перед нами. Люди шли плечо к плечу, бедро к бедру.

Целый район.

– Вон туда, – предложила Хелен.

Она указывала на ближайшую крышу, стоящую навесом у здания, размером больше сарая, но недостаточно большого, чтобы зваться конюшней. Склад?

В любом случае, у него была удобная покатая крыша, достаточно низкая, чтобы мы, вероятно, могли забраться. Пришлось перепрыгнуть короткий заборчик, окружающий лужайку, наверно для того, чтобы не подпускать жуков.

– Сай, – позвал Гордон. Он переплёл пальцы вместе.

Я кивнул, прибавил темп.

Это не было очень резким подъёмом, но толчок вперёд был неслабый, когда он поймал мою ногу своими руками и подкинул меня вверх.

Я приземлился на крышу и тут же упал на четвереньки, скатываясь ладонями и туфлями по дранке, пока не сумел остановиться.

К этому моменту уже поднялась Хелен. Гордон весьма сознательно отвернулся в сторону, пока её одежда задевала его лицо. Она не упала на четвереньки в отличие от меня, а нашла равновесие, дотронувшись до стены пристройки, её ноги прочно встали на покатой крыше. Она развернулась, чтобы посмотреть в другую сторону, мятно зелёное платье вскружилось вокруг её голых ног, пока стопы без носков в маленьких белых туфлях искали равновесие. Я знал, что Хелен ещё растит длину волос, но сейчас они были плотно скручены почти на всю свою длину в завитки, по сторонам и сзади её головы.

Она всё ещё улыбалась, удивлённо на меня взглянула, намеренно заблестев глазами.

Я почти скучал по равнодушной Хелен. Я понимал равнодушную Хелен.

– Сай, – позвал Гордон. – Подними голову!

Я посмотрел в сторону в тот же момент, как Мэри полетела на меня.

Схватившись за крышу одной рукой, я взял руку Мэри другой. Её туфли были не столь хороши для карабканья как мои, слишком плоские, и она скользила.

Я смотрел за тем, как она распределяет вес, нога, что была на крыше ниже, резко ударила, поцарапав дранку для максимального сцепления. Недостаточно, чтобы остановить её соскальзывание, но тянуть пришлось не так сильно, когда я поймал её полный вес и мои руки растянулись в двух разных направления.

– Ты улыбаешься, – сказала она.

Я потянул ее, и она добралась до верхней части крыши, встав напротив. У нас был лучший вид на толпу, но она смотрела на меня, озадаченная.

– Твои… – сказал я, не найдя слов. Я безмолвно указал в направлении её ног.

Мэри посмотрела вниз, подняв одну ногу. На ней была белая блузка и лиственно-зелёная юбка, и она сейчас смотрела на свою голую икру.

– То, как ты удержалась от падения, – прояснила Хелен. – Впечатляет.

– Ага, – согласился я.

– Оу, – сказала Хелен. Она всё равно выглядела немного запутанной.

– Сай, Мэри, – позвал Гордон.

Я потянулся и поймал руку Джейми. Мэри поймала его локоть, руки, которой он держал свою книгу.

– Тебя учили этому?

– Этому тоже, – подтвердила она. – Я более лихая, чем ты думаешь. Немногому я и сама научилась.

– Без шуток, – сказал я. Чтобы порадовать кукловода? Или нас? – это было впечатляюще.

Она улыбнулась и отвернулась в сторону.

Мы поймали Лилиан, помогли ей забраться, и затем Гордон забрался сюда сам.

Шестеро из нас были на крыше.

– Грязно, – сказал Гордон. Я посмотрел на свои коричнево-чёрные руки, чтобы убедиться, после чего на Лилиан. Её одежда испачкалась у коленей, поскольку она не была также изящна, как Хелен или Мэри.

Покачиваясь, я снял дождевик. Положил его на крышу.

На моё безмолвное приглашение Мэри села на одну его сторону. Я сел рядом с ней, и не потому что запланировал что-то или вроде того. Лилиан, может, и девочка, но это мой чёртов дождевик.

Лил обиженно на меня взглянула, после чего села на свою сумку со снаряжением и записями.

Гордон и Хелен стояли у стены здания, в то время как Джейми решил сесть на свою книгу, балансируя на вершине крыши.

Вместе, наконец добившись хорошего вида, мы могли свободно наблюдать над толпой. Маленькая горсть лиц взглянула на насест, но никто ничего не сказал. Центр внимания был в другом месте.

Страсть, злость, волнение.

– Что-то начинается, – пробормотал я.

Джейми, не сводя глаз, кивнул.

Церковь была через улицу от нас, не самое большое здание, но Радхэм не был очень

религиозным городом. Строение было бледным, крыша коричневой, и витражные стёкла только подчёркивали серую внешность. Множество красного стекла использовалось в окнах.

Урон, перенесённый некоторое время назад, привёл к заплатке на одной из боковых стен, но ветви были сильно подрезаны. В то время как некоторые здания позволяли ветвям вырасти, вытянуться, и обернуться зелёной листвой, церковь обрезала всё, пока растение не становилось почти неотличимым от мёртвого.

Карета остановилась у боковой двери церкви, и множество людей из толпы собрались вокруг. Двое мужчин стояли на, ну или у кареты, заметил я. Они говорили и многие люди слушали.

– Это не преподобный, нет? – спросил Гордон.

– Нет, – ответил Джейми. Он указал. – Слева. Билл Уорнер. Он владеет линией производства на улице Тенент. Ты знал его сына в Мотмонте, Гордон.

– О, ага.

– Справа Дикки Джил, которого здесь точно не должно быть, – осматривал Джейми. – Или, по крайней мере, не в таком виде.

– Почему? – спросила Мэри.

– Потому что он в позиции власти, которую ему дала Академия, – сказал Гордон. – Он в списке на место следующего мэра.

– Ох блин, – сказала Мэри, наконец поняв.

– Очень коротком списке, – заметил Джейми. – В списке, в котором очень многие люди хотят найти себя. Академический город Штатов Короны в Америке.

– Короткий путь к власти, если он захочет по нему пойти, – отметил я. – И почему он здесь, а не идёт по этому пути?

– Чувствует то же, что и отец Уолтера? – спросил Гордон. – Это не настоящая власть, скорее как застрять в середине, пока Академия всем управляет.

Я нахмурился.

– Нет? – спросил Гордон.

– Власть тянет гораздо сильнее, когда она почти у тебя в руках, нежели, когда она на ладони, – объяснил я. – Для него она почти в руках. И что же такое происходит, что это важнее чем то?

– Это вопрос? – сказал Гордон.

– Хм?

Он странно на меня посмотрел.

– Что?

– Посмотри. Эта толпа. Я знаю, что ты понимаешь, насколько они злы.

– Хм, – сказал я, удерживаясь от «конечно».

– Эта кипящая ярость? Она его или близка к тому. Это множество людей, беспокойное, и его. Его и Уорнера, может ещё и преподобного Мейера.

– Угу.

Наши глаза прошлись по толпе. Люди, говорящие разгорячёнными тонами, убедительные жесты, беспокойство. Лица напряжённые, с линиями злости на лбах и между бровей, длинные желобки вокруг ртов, предполагающие отвращение, и широко открытые глаза, показывающие слишком много белого. Страх.

Наверно, нечто бóльшее, чем страх. Более дикое чувство. Что-то готовое оборваться и действовать на давно подавляемых чувствах.

– Их только нужно направить, – сказал я.

– И ты говоришь, что не видишь привлекательности этого? – спросил Гордон. – Для человека, у которого никогда не было власти, получить способность направлять это?

– Привлекательность я вижу, полагаю, – сказал я. – Но предпочитаю взаимодействовать с людьми, а не с толпой.

– Это большая толпа и без особых усилий их можно поднять на бунт, – прокомментировал Гордон.

– Этому ведь что-то предшествовало, – предположила Мэри, – верно же?

– Да, – согласился я. – Этого добивались. Должна быть причина, по которой люди собрались здесь при первом знаке проблем.

Дверь церкви открылась. Разговоры прекратились. Люди обратили внимание.

Мейер.

Он был не тем, кого я ожидал.

Часть меня ожидала Хайле, кого-то в возрасте, величественного, наверно немного мрачного, одетого в чёрного с воротником преподобного.

Преподобный Мейер был юн или он поработал с Академией над этим. Его волосы были полны жизни, бронзовые, граничащие с красным, где солнце пронзалось через облака, чтобы их коснуться, кожа его была гладкой и без морщин.

Когда он шёл, то немного терял равновесие и склонялся в сторону, почти хромой. На нём были чёрная рубашка и брюки, одна рука была голой, и на нём был воротник преподобного, не кусок рубашки, а именно лента белого вокруг шеи. В дополнение к хромой походке и плохому удержанию равновесия, был тяжёлый рукав, укрывающий одну руку, и уходящий дальше пальцев.

Немилосердная часть меня хотела назвать его курицей, ну или петухом. Красная копна сверху, острый подбородок и римский нос, длинная, узкая шея, юность, и то, как он шёл.

Но более милосердная часть меня видела, что он был спокойным, очень легко брал на себя

внимание всей толпы. Пока он шёл не только для того, чтобы придти куда-то, его движения казались плавными, расслабленными.

Само его существо словно передавалось им. Огни, которые разжигались, пока толпа была оставлена сама с собой, теперь, казалось, стихали и увядали.

Мы посчитали его провокатором ситуации, с Уолтером и Усами. Но смотря на него сейчас, ощущая это чувство внутри, я подозревал, что он был далеко не глупым человеком.

– Я неожиданно почувствовал, что мы должны подойти ближе, – отметил Гордон.

– Зачем? – спросил Джейми.

– Чтобы иметь возможность действовать.

– Да никак нам тут не получить такой возможности, людей сколько вокруг, – сказала Мэри.

– И это ты говоришь? После того, что сделала в столовой Мотмонта? – спросил я.

– Я… говорю, что это невозможно без предварительной подготовки.

– Точно, – согласился я. Потом, через секундную паузу, не сумел удержаться. – Угх. Говори, Мейер. Я хочу услышать, что ты хочешь сказать.

– Как и они, – заметила Лилиан.

Толпа обратила на него своё пристальное внимание.

Мейер забрался на край кареты, встав на короткую ступеньку у дверцы. Это поставило его на метр выше толпы, он торчал из них по пояс.

Без слов, он сделал жест Джилу. Нашему поддержанному Академией политику.

Я только частично удержал стон.

– Все! – привлёк внимание Джил, поднимаясь, чтобы встать рядом с Мейером, оказавшись немного ниже и пухлее преподобного. В любом случае, у него хорошие навыки прогнозирования. – Вы слышали слухи и я должен поблагодарить вас за то, что вы передавали слухи другим, чтобы и они знали, что происходит, и могли убедиться в своей безопасности. Для тех, кто ещё не слышал, да, действительно есть существо, сбежавшее из Академии. И оно действительно опасно для вас всех, но вы можете свести опасность к минимуму оставаясь группами.

Оно действительно опасно для вас всех. С ударением на «действительно», чтобы устранить все сомнения.

Любой публичный оратор, имеющий хоть какую-то ценность, оговорил бы это иначе или вообще перефразировал, дабы ослабить удар на Академию. Он сделал это намерено.

– Плохой политик, – прошептал я. – Плохой!

Джейми кивал. Мэри потянулась вперёд, обернув колени руками и пристально слушая.

– Что это?! – закричал кто-то.

Да, – подумал я. – Что это?

– Источники из Академии сказали мне, что это проект созданный для исследований пяти чувств, – сказал Джил. – Он не должен был оказаться опасным, но нам всё равно следует проявлять осторожность.

Я прищурился. Мне были известны слухи и разговоры вокруг.

– Мы слышали, что люди погибли! – сказал другой голос.

– Да. Девять человек были серьёзно ранены внутри и рядом с Академией, но до сих пор ущерб… – Джил приостановился, когда Мейер потянулся и положил руку ему на плечо, после чего закончил фразу, – остаётся в учреждении. Они выдвигают все ресурсы чтобы остановить…

Он задержался на окончании фразы и позволил ей затихнуть недосказанной. Мейер использовал свою руку на его плече, чтобы дать ему знать, что хочет говорить сам.

– Боюсь, это не правда, – сказал Мейер. Его голос имел вес, но не был громким, как голос Джила. Сильный контраст. Он сделал паузу, ещё один контраст с Джилом, пытающимся доложить столько информации, сколько возможно в короткий промежуток времени.

Контраст был преднамеренным? Как много они сотрудничают? Может даже прерывание Джила было спланировано?

– Я только что получил весть о том, что два человека в верхней западной части Радхэма были атакованы. Они были ещё школьниками. Один был серьёзно ранен, он может остаться калекой на всю жизнь.

Его выражение лица изменилось, стало очень выразительным, настолько, что он мог соперничать с контролем Хелен над своим видом. Усталость в его глазах предполагала, что он гораздо старше, чем выглядит. Он посмотрел вниз, прикусил губы, словно пытаясь заставить их правильно работать.

– Другой ребёнок умер, – сказал он, чрезмерно тяжело, заставив людей ждать столько, что они как раз могли подумать, что он закончил говорить.

Теперь, вновь, толпа зашевелилась, боль, страх, злость, удвоились после мирного промежутка, который Мейер дал и отобрал.

– Пожалуйста! – позвал Мейер. Его слова почти утонили в шуме толпы. – Пожалуйста!

Гордон сдвинулся и пригнулся к нам, – Он определённо может говорить громче.

Он полностью контролирует эту толпу. Он разжигает пламя и разливает жар. Толпа взорвётся, и взорвётся чертовски скоро.

– Кто этот парень? – спросил я немного восхищённо. – Он эксперимент?

– Вполне уверен, что нет, – ответил Джейми. – Я наслышан о его истории. Он был солдатом в войнах на юге.

– Хромота? – спросил я.

– Не хромота. Просто не может держать равновесие. Они дали ему новую руку, после того,

как он потерял свою. Не очень функциональную и не очень красивую, – вновь ответил Джейми.

– Оружие?

– Обычная рука необычно большого размера. Ничего красивого. Кажется, из-за неё он постоянно чувствует боль. Он отказался от предложений продолжить работу и заменить её. Отправился прямо на семинарию.

Крики преподобного Мейера становились громче. Он начинал возвращать внимание на себя.

– Пожалуйста! – сказал Мейер с бóльшей силой, почти немного злобно. Ещё один акт. – Это не о монстре и не о Академии с их ошибками!

– Он делает это специально, – сказала Мэри.

Я не один так думаю.

– Ага, – согласилась Хелен, а она не многое сказала, с тех пор, как мы поднялись на крышу.

– Они этого не понимают? – спросила Мэри.

– Эмоции затуманили их глаза и уши, – просто ответил Гордон.

– Это о детях! Пожалуйста! Момент тишины и молитв!

На его ладони, – подумал я.

Я видел, как всё на грани раскрытия.

Разжечь пламя, собрать, накопить жар.

Позволить всему выстроиться.

И сейчас он собирал.

– Их звали Мартин и Оскар Медоуз, – сказал он, едва подняв голос до слышимого, теперь, когда толпа слушала. – Минуту молчания, помолимся за них.

Никто с сердцем в груди, каким бы злым не был, не посмеет говорить посреди такой значимой тишины.

– Он собирается поднять бунт? Против Академии? – шёпотом спросила Лилиан. Мы были достаточно далеко, чтобы нас не услышали. В десяти метрах от толпы, желающей быть ближе, видеть так же хорошо, как и слышать, с шорохом шагов и периодическим кашлем, способными укрыть шёпот.

– Может быть, – прошептал Гордон.

– Нет, – прошептал я в ту же секунду. – Нет. Какого чёрта им это делать?

– Чтобы навредить Академии Радхэма.

– И чего в этом хорошего? Они просто закроют двери и ворота, пока хаос не стихнет, – прошептал я в ответ.

– Тогда зачем? И что? У него должна быть какая-то цель, – сказал Гордон.

Тишина продолжалась, пока я смотрел над толпой на рыжего человека, стоящего на ступеньке кареты. Он осматривал толпу, но не заметил нас.

– Посмотри на него, – сказал я. – Мы сейчас даже дотронуться до него не сможем. Он окружён множеством сторонников, и даже если бы не был, если бы мы могли как-то до него добраться, мы бы только включили толпу, как электричество подобравшееся к сшитому. Разбудили бы их, привели в действие.

– Сделали бы из него мученика, – прошептала Мэри.

– У него полный, совершенный контроль. Он знает, что делает и он знает как опасно противостоять Академии. Он знает, что привлечёт их внимание и может только поддерживать позицию очень деликатного равновесия. Начни он бунт и потеряет контроль, – прошептал я.

Преподобный Мейер вглядывался в толпу, выискивал тех, кто чувствовал себя некомфортно. Мужчина более взволнованный, чем остальные, переминающийся с ноги на ногу, встретился с полным печали взглядом Мейера.

Волнение прекратилось.

– Вы уверены, что этот парень человек? – прошептал я.

– После плохой пересадки руки и новой кожи, не думаю, что он позволит хоть кому-то себя тронуть, – сказал Джейми.

– Ты много внимания уделял этому парню, – отметил Гордон.

– Он популярная тема для сплетней, – прошептал Джейми. – У Академий не лучшие рабочие отношения с церквями. Многие люди думают о том, какой человек мог выбрать Академический город из всех мест.

– Думаю, теперь мы знаем, – отметил Гордон.

Тишина продолжалась до того, что уже была практически болезненной. Явно больше минуты.

Кто ты, преподобный Мейер? – размышлял я. – Ты затягиваешь это ради собственного удовольствия? Чтобы проверить, как крепка твоя хватка над этими людьми? Ты сфокусировался на вкусе власти, которую украл Джил из Академии, или же ты размышляешь над целью?

Люди, опустившие головы и глаза вниз, наверно, были не в курсе, но толпа начала двигаться, немного беспокойно, как если бы их тела задавали вопрос, который не осмеливались задать рты.

– Теперь, – сказал преподобный Мейер, словно осторожно пробуждая всех ото сна. – Я знаю, вы злы. Трудно не злиться, когда столько жизней было потеряно, и вы боитесь за себя, за своих соседей, своих близких.

Он получил внимание каждого уха, и мои не были исключением. Я держался за каждое слово, разбирал на части то, как он играл на эмоциях, говорил одно, пока осторожно разжигал пламя, обосновывал страх и злость.

– Бесцельный гнев никому не поможет, и оскорбит тех, кого мы уже потеряли. Ничего не

будет грустнее, чем если мы пойдём искать справедливости, лишь того ради, чтобы испачкать память о Мартине и Оскаре, или хуже, присоединимся к тем, кого убило сбежавшее существо, потому что будем действовать эмоциями, а не осторожностью.

Контроль.

Мэри косо на меня взглянула.

Я был прав.

Чего мы не знаем, так это, каков будет твой следующий шаг.

– Академия, из того, что было сказано нам, использует больше существ, орудия войны, и вооружённых людей, с намерением остановить сбежавшее существо. Пёс и Ловец меньшее из того, что они используют.

– Академия не говорила тебе этого, – прошептал Гордон.

– Им будет труднее сказать, что они не говорили и хотели держать людей в неведении, – прокомментировал я. Гордон согласно кивнул.

Ни один человек здесь не одобряет этого. Фраза тоже хороша.

Он продолжил, – Мне не нравится это, но сейчас, всё, что мы можем – оставаться в безопасности. Оставаться с семьёй и друзьями, поддерживать друг друга. Если вам некуда пойти, у вас есть Дикки, Билл и я, здесь, в церкви, с несколькими другими, готовыми предложить молитву и совет, который вам нужен. Если у вас есть любые новости, пожалуйста, идёмте с нами.

– Солдаты, – сказала Мэри.

Я медленно кивнул.

Сколько людей хотят собраться в этой церкви, поговорить о том, чтобы держаться вместе и делать что-нибудь, как если бы это была их идея, а не Мейера?

– Помолимся! – объявил Мейер немного раздвинув руки.

– Пойдём, – сказал я, забираясь на крышу, чтобы осторожно спуститься вне видимой зоны Мейера. Я заглянул на другую сторону, чтобы убедиться, что место приземления чистое. – Академия захочет быть на вершине всего этого. Эта проблема больше, чем Усы.

– Больше? – переспросила Лилиан.

– Он ставит себя против Академии, собирает солдат, рассказывает людям о секретных проектах, и это только если судить в общем плане, и он делает себя неприкасаемым эффективным способом, – сказал я. – Это будет заботить Академию больше, чем любой проект-убийца, уж поверь мне. Нам нужен совет о том, как двигаться вперёд и нам может потребоваться помощь.

http://tl.rulate.ru/book/6109/149991